

Какие психологические проблемы могут проявиться у детей, взятых в семьи из системы сиротских учреждений? Как реагировать родителям на те или иные особенности детского поведения? Об этом корреспондент Правмира побеседовал с психологом и мамой сына и двух приёмных дочек Светланой Яковлевой.

Без значимого взрослого

— Светлана, какие особенности в устройстве отечественных сиротских учреждений могут породить у детей различные проблемы? И какие, соответственно, это проблемы?

— Отечественная система сиротских учреждений, в первую очередь, плоха тем, что у ребёнка в ней нет возможности сформировать привязанность к каким-то близким людям.

Очень часто встречаются представители органов опеки, которые говорят: дабы чего-то не случилось, ребенка лучше изымать из кровной семьи даже в тех случаях, когда нет прямой опасности для его жизни.

Однако психологи утверждают: даже плохая семья, в которой есть минимальная забота и нет насилия над ребенком, для формирования его как личности гораздо лучше, чем хорошее сиротское учреждение.

Что мы видим в сиротской системе? Перед ребенком проходит огромное количество взрослых чужих людей. Это — обслуживающий персонал: нянечки, воспитатели, медсестры, и так далее. И ребенок привыкает к тому, что люди вокруг него постоянно меняются. Меняются и окружающие его дети — одних привозят, других забирают в приемные семьи, возвращают родителям; потом самого ребенка по возрасту переводят в следующую группу... С точки зрения психологических основ это означает, что ему незачем бороться за хорошие отношения с близкими.

Победить саморазрушение

— Отечественная пресса в последнее время переполнена страшными картинками детдомовских детей, которые бьются головами об стены, сами наносят себе

увечья. В чем природа подобного поведения?

— Действительно, существуют дети, и я их видела, которые, попадая из сиротского учреждения в приемную семью, своим поведением показывают, что они занимаются саморазрушением. Это и битье об стенку кроватей, и просто об стены, об раковину. Много таких моментов, как качание, сосание пальца, энурез, может быть, каломазание.

Для того чтобы понять природу подобных явлений, надо посмотреть на жизнь ребёнка. Мы видим, что сирота, который с раннего детства был лишен заботы взрослого, это, как правило, ребенок, научившийся выживать.

На консультациях мы обычно объясняем родителям: ваш ребенок сосет палец? Может быть, это не эстетично, некрасиво, но когда-то это было единственное доступное ему средство самоуспокоения.

Если ребенок бьется об стенку, раскачивается, то при всей внешней некрасивости и неприятности этого зрелища, мы говорим о том, что тем самым он когда-то сам заменял себе родителя, который бы его качал, успокаивал. В общем, ребёнок использует те средства, которые он сам нашёл, чтобы облегчить себе выживание в этом мире.

«У нас так не принято»

— Бывают ли у детей из детских домов проблемы в общении с окружающими?

— У этих детей могут быть не сформированы навыки эмоциональных контактов с людьми.

Когда моя средняя дочка попала домой (в этот момент, как я говорила, ей было почти девять лет), — поначалу она пыталась всю нашу семью перестроить под свои правила, — ходить насупившись, отвечать резко, грубо, хлопать дверью, устраивать истерики. Такова была её типичная реакция, и она пыталась это навязать всем.

У нее это не получилось — я работала в этом направлении, и у нас достаточно

спокойная, веселая семья. Но в какие-то моменты я просто ее останавливала и говорила: «Олечка, мы так не делаем», «так нельзя», «у нас так не принято».

Потом появился другой момент. Оля, которая по возрасту средняя, но в семье появилась последней, пыталась копировать поведение младшей дочери. Например, если маленькая выбегала ко мне, бросалась мне на шею, говорила «Мамочка, любимая!», — Оля это видела, и с такой же прытью прыгала ко мне на шею. Но честно скажу, это было неудобно, неправильно, некомфортно для меня.

Какое-то время я терпела, потом просто начала разговаривать: «Олечка, ну давай поспокойнее, потому что ты большая девочка, ты сейчас мне руку вывихнула».

Причём некоторое время у меня было ощущение, что Оля — это робот. То есть, она видит какой-то пример действия, и с точностью до ста процентов переносит его на другую ситуацию. Я не видела в ней гибкости, умения подстроиться. Если двое других детей, например, по выражению лица, по движению моих бровей могли понять, что чего-то делать не надо, то с Олей такого контакта не было.

В принципе, её поведение было похоже на то, как старшие дети при появлении в семье младших братьев и сестёр пытаются иногда копировать их поведение, борясь за родительское внимание. Но меня очень пугал некий автоматизм действий, отсутствие разницы в разных ситуациях.

Например, при появлении младшей в два с половиной года, нашему старшему сыну было четырнадцать. Он так же прибежал: «Ой, мамочка, возьми меня на ручки. Покорми меня с ложечки». Был такой момент. Но тогда я была уверена, что он именно играет.

То есть, он хочет увидеть, что продолжает оставаться любимым сыночком. И, в принципе, он комфортно себя чувствовал, если я говорила: «Извини, мне сейчас некогда, давай чуть попозже». В варианте с Олей принять это было уже тяжелее, пугала жесткость, механистичность.

— Как поступать родителям уже в семье, когда дети начинают реагировать на что-либо явно не по возрасту?

— В первую очередь, конечно, успокоиться. Пугаться или как-то наказывать за это, мне кажется, смысла нет. У меня подход такой: мы имеем право наказывать только в том случае, если чему-то уже научили. Я вообще очень редко наказываю детей. И уж если наказывать, то в других случаях.

Дальше мы говорим: вообще нужно разобраться, почему ребенок впадает в детство. Либо он не знает, как себя вести, либо для него это такой момент проверки: а давайте я попробую себя вести вот так, наверное, это достаточно безопасно.

Ну и вообще, [приёмным родителям](#) мы говорим о том, что ребенок впадает в детство так естественно, именно тогда, когда он чувствует безопасность в этой семье. Иногда даже убеждаем их: это хорошо, что у вас ребенок так себя ведет.

Но ничто нам в при этом не мешает в зависимости от возраста ребенка объяснять ему, как поступать правильно. Если, например, у меня дочка в уже достаточно взрослом возрасте, не маленькая, бросалась на колени ко всем встречным — и к женщинам, и к мужчинам, — то в общем то, нормально было проводить с ней беседы. Наверное, эти беседы я бы не стала проводить с двухлетним ребенком. Двухлетнего я бы просто останавливала, беря на ручки и относя в другое место.

Ещё раз подчёркиваю — момент «впадения в детство» для ребёнка, взятого в семью, очень важен. Многие приёмные родители приходят с жалобами именно на то, что вроде бы кризис уже более-менее прошел, отношения наладились, и вдруг ребенок начинает себя вести как-то странно — баловаться, не слушаться, говорить гадости, писаться и так далее.

Обычно мы говорим о том, что это для ребенка определенный этап, когда он понимает, что ему безопасно быть маленьким. Мы говорим о том, что для ребенка, с раннего детства лишённого материнской заботы, самый идеальный вариант — когда он в приемной семье проходит все стадии развития, все возраста в обратном порядке.

Помню в прошлом году (в десять лет!) ко мне подбежала средняя дочка и говорит: «Я очень-очень хочу, чтобы ты меня покормила титей». Пришлось отвечать: «Доченька, попробоваться я, конечно, могу, но это бессмысленно». Где-то после племянницы у нас завалилась бутылочка, вот я брала дочь на ручки, заворачивала в плед, качала и поила из этой бутылочки вкусным чаем.

Этот этап тоже нужно было пройти. Я знаю, что у некоторых приемных детей это затягивается надолго. Но, в принципе, если ребенок более-менее сохранный, то он просто как будто ставит для себя галочку. Мы как будто заново переписываем ему детство.

— А что делать, если такое «не по возрасту» поведение ребёнка очевидно нарушает социальные нормы?

— Да, такое тоже может случиться, — например, девочка может, условно говоря, проявить повышенный женский интерес к приемному отцу...

Во-первых, в любом случае, в зависимости от возраста, мы проговариваем правила поведения: почему родились эти правила, что нормально, что ненормально. Что хорошо и плохо для той картины мира, в которую ребенок теперь попал. Мы показываем ему и проговариваем правильные модели поведения и учим его этим моделям.

В этой ситуации достаточно сложно бывает родителям, у которых есть какой-то пунтик, скажем, по поводу нерешенных личных проблем. Если это грозит какими-то большими сложностями восприятия, рекомендуется обращаться к специалистам, чтобы те научили, как себя вести, какие слова говорить.

Но, в целом, нужно быть готовыми к тому, что для более-менее подросткового ребенка из системы на первых порах это будет норма поведения. Иногда для ребенка это — единственная и доступная модель притягивания внимания к себе. И он просто использует её, чтобы по привычке заслужить какую-то благодарность, вкусняшку, или для того, чтобы избавиться от какого-то более серьезного насилия.

В первое время ребёнок вообще живёт по принципу «если я буду себя вести очень хорошо, то, возможно, добьюсь чего-то большего». Приходится объяснять, что мы здесь всех гладим по голове, или по плечу, или по спинке, и делаем массаж вне зависимости от того, насколько у нас хороший ребенок. У нас это принято, это нормально.

Кроме сексуализированного поведения, у ребёнка из детского дома могут проявляться признаки нарушения привязанности, когда он в принципе тянется к незнакомым людям и показывает, что готов постараться, чтобы понравиться.

В коррекции такого поведения важно несколько моментов. Во-первых, это, конечно, время. Мы говорим родителям: для приемных родителей время — это часто самый лучший лекарь. Это стабильность, это доказательство для ребенка, что он здесь нужен, важен, что эти родители могут справиться с жизненной ситуацией, что они не рассыплются от чего-то нехорошего в этой жизни, от того, что сам ребенок будет вести себя плохо.

Мы просто объясняем родителям: «Будьте рядом, показывайте ребенку, что вы есть, вы стабильны, вы постоянны, вы сильные, но в то же время вы спокойные, и вам можно доверять». Это как модель поведения.

— Мы все время говорим о взрослых детях, с которыми уже можно сознательно что-то выстраивать. А как нарушение привязанности проявляется в год, два? И что с этим делать?

— Проявляется так же, как и в более взрослом возрасте. Я бы сказала, что приёмный родитель понимает это на уровне чувств. Просто в каких-то моментах общения родитель понимает, что ребенок не зависим от него, не показывает свою связь с этим взрослым.

Конечно, чем младше ребенок, тем меньше у него было возможности для формирования этого нарушения. В этом случае всё так же лечится временем и теми правилами поведения, которые проще выдержать.

Хотя, честно скажу, что я сейчас наблюдаю две семьи, где дети были взяты в достаточно раннем возрасте (в год и в два; сейчас им, соответственно, пять-семь лет), и вижу, что правила поведения у них не сформированы.

Один ребенок командует в семье. Мама, с которой я беседовала, говорит: «Он как будто главный в нашей семье, несмотря на папу, еще одного кровного ребенка, маму, бабушку. И есть такое ощущение, что он без нас может выжить, как будто у него нет потребности в нас». В другой семье ребенок заглядывает в глаза каждому новому гостю или воспитателю и показывает свое желание быть принятым, быть хорошим, залезает на колени даже к незнакомым людям. Это те признаки, которые остались у него еще с раннего возраста.

Причём обе семьи очень хорошие, и говорить о том, что они не справились или что-то не сделали, не приходится. Возможно, в этом случае просто надо принять ситуацию как данность.

Мне самой в своё время тоже говорили: «Заботься и жди — когда-нибудь ребенка „торкнет“ на формирование привязанности. Возможно, завтра, Может — через десять лет, в крайнем случае, никогда». И ощущение, что дочь — это мой ребенок, и что она чувствует, что она моя, появилось где-то спустя полтора года после того, как мы стали жить вместе. А до этого всё время было достаточно жестокое ощущение, что это ребенок не мой, и все зря.

Простить кровных родителей

— **Какие ещё особенности поведения можно наблюдать у детей из «системы»?**

— Иногда у ребенка случаются истерики по поводу: «Зачем меня родили? Я никому не нужна! Лучше бы они меня сразу выбросили или убили, или что-то еще!» Одна, две беседы — и я понимаю, что у нее просто сиюминутное состояние. Спустя некоторое время, она говорит: «Ой, ну как же я рада, что я здесь живу!» Мне почему-то в этой фразе услышалось не просто про нашу семью и квартиру, а вообще про весь мир. То есть, получается своеобразная проверка значимости своего существования.

В подростковом возрасте приёмные дети иногда делают то же самое через самоидентификацию, через проверку «а как вы относитесь к моим кровным родителям?» Это очень сложный момент для приемных родителей.

Один из страхов приемных родителей — что ребенок вырастет и скажет: «Вы мне никто». А потом начнет пить, курить, разлагаться и, в конце концов, уйдет куда-то по следам своих кровных родителей. Мне кажется, что это один из этапов, когда ребенок начинает вас проверять. И проверка бывает именно на то, что «вот, они сволочи такие».

И тут очень тяжело, конечно, удержаться в рамках нейтралитета. Тяжело сказать

ребёнку: «Я понимаю, что ты на них обижен, понимаю, что тебе тяжело, что у тебя, может быть, необычная судьба не такая, как у многих детей, но они, твои кровные родители, такие, какие есть». То есть, важно не противопоставлять биологических родителей ребёнка обычным людям и себе.

— Получается, что ругая или как-то унижая биологических родителей, мы в данном случае унижаем и ребенка?

— Мы унижаем ребенка, то есть мы показываем ему, откуда он явился, что он сделан из плохого состава. В этом смысле мы работаем против себя.

Обычно мы это на любой школе приемных родителей это обсуждаем. Если родители отказались от ребенка в роддоме или не заботились о нем, но не причиняли ему сильного вреда, то сохранить этот нейтралитет достаточно легко. Гораздо тяжелее, на мой взгляд, родителям, которые очень хорошо осведомлены о том насилии, которое причинялось детям их кровными родителями. Но этот этап нужно пройти.

— А как относиться к попыткам ребёнка разыскать биологических родителей?

— На мой взгляд, эти попытки правильные, нужные для понимания человеком своих корней, своего рода. Если ребенку это нужно, то этим процессом, скорее, следует управлять.

Первый этап — быть к этому морально готовыми. Во-вторых, сформировать свое отношение к этому процессу и к кровным родителям. Управлять — это значит быть с ребенком на тот момент, когда он захочет искать родителей, в достаточно доверительных отношениях и обговаривать заранее: «Если ты захочешь, то мы это сделаем вместе. Я тебе помогу». То есть быть в этом процессе как бы с ним за руку, а не на противоположной стороне. Потому что это очень сложный для ребенка механизм.

Например, моя средняя дочка, — сейчас ей одиннадцать, — до сих пор не может простить свою кровную маму. Она периодически мне говорит о том, какая та негодяйка.

И я ей отвечаю: «Это мама, которая тебя выносила и родила. Да, она пьет, но ты не обязана повторять ее судьбу. Но отмахиваться от нее и говорить, что ее не было в твоей жизни, мы тоже не будем».

— Для ребенка важно простить в данном случае?

— На этот счет есть несколько мнений. Я думаю, что идеальный случай — это, когда ребенок вообще не задумывается о прощении, когда он внутри себя принимает ситуацию как данность.

Но, честно говоря, я не видела даже выросших приемных детей, которые бы в отношении к своим кровным родителям не проходили через какое-то принятие, прощение, чтобы это не было для них проблемой: «О, у меня такие родители? Ну, ладно». Все-таки есть какой-то момент, когда им важно понять, что это было, провести над собой определённую внутреннюю работу.

— Чем грозит ребенку ситуация, когда у него вот этот этап прощения и принятия не пройден?

— Этот этап важен вообще для любого человека. Как правило, в подростковом возрасте, ребенок начинает рассматривать своих родителей под лупой.

В моих любимых мудрых высказываниях говорится: «В пятнадцать лет я понял, что мои родители ужасно глупы, неправильно живут, я никогда не буду делать так, как они. В тридцать мы понимаем, что родители умные, хорошие и так далее».

Так что, осуждение родителей в принципе свойственно этому возрасту. И оно очень нужно для того, чтобы ребенок смог от них отделиться.

Поэтому и в приемных семьях не стоит бояться, когда ребенок рос здесь с

младенчества, и вдруг в пятнадцать лет заявляет: «Вы мне никто. До свидания», — и начинает вести себя плохо. Не стоит забывать, что кровные дети нередко поступают так же.

Если вернуться к вопросу: почему это крайне важно? Можно себе представить человека (это случается и в обычных семьях), который очень сильно обижен на своих родителей: за развод, какое-то физическое насилие, моральное оскорбление — если он не прошел этот момент...

Например, родители развелись, и мама внушает ребенку, что его отец ужасно плох, что он негодяй и так далее. В итоге, когда ребенок начинает осознавать себя в этом мире как личность, он смотрит и говорит: «Странно. С одной стороны, я при хорошей маме неплохой человек, а с другой, — во мне столько негодяя».

И в этот момент ребенок как будто специально начинает вести себя как негодяй. Ему внушили, что его отец плох, и он пытается сохранить лояльность к этой части себя.

Другое дело, если мы говорим ребёнку, что, да, его отец где-то вел себя не лучшим образом, но ты-то другой, ты от отца взял, например, музыкальный слух. То есть мы разрешаем ребенку быть похожим на отца, но не в смысле его главной отличительной черты для социума. Потому что, если этого примирения не случилось, ребенок может попытаться найти себя, в том числе через вступление в какие-то антисоциальные группы.

Благодарности не ждите

— **Но** мама, которая говорит подобные вещи, напротив, пытается предостеречь ребёнка...

— Да, такая логика есть очень у многих. Она состоит в том, что ребенок должен, подбираясь в своих мыслях или поступках к чему-то плохому — например, к алкоголю, — себя останавливать.

Но в этот момент хочется обратиться к родителям и сказать следующее. Например, у вас, как у многих людей, есть потребность в сладком. Представьте, как кошмар получится, если вам всё время будут говорить: «Если ты будешь есть сладкое, то будешь жирным». И так — постоянно.

Мама надеется, что ребенка подобная мера остановит, но на самом деле она только создает в его жизни очень большое напряжение. В результате запретная вещь становится для него очень значимой.

В итоге «ходи, куда хочешь, но только не туда, где алкоголь» начинает звучать как «ходи, куда хочешь, но только не на север» или «не думай про зеленую обезьяну». И ребенок начинает интересоваться: «А что же там, на этом севере, в этой зеленой обезьяне, в этом алкоголе?»

Мне кажется, особенно для приемных родителей, очень важно внутренне отпустить ребенка на предмет его будущей жизни. Мы живем вот таким образом, у нас такой уклад, такие привычки, я вожу детей на такие-то занятия, я читаю им Библию, я рассказываю им какие-то истории из жизни, в том числе духовной, рассказываю причины и следствия. Иногда мне трудно понять, что взрослая жизнь моих детей не есть стопроцентное следствие моего воспитания. Что есть и другие факторы, — может быть, их предыдущая жизнь, особенно у дочери, которая прожила какую-то её часть без меня.

Также как и со старшим сыном, ему девятнадцать. Притом, что я очень довольна тем, какой он получился, иногда думаю: «Надо же, такому я его не учила».

То есть для приемных родителей важно понимать, что, к сожалению, наши дети могут стать алкоголиками. Но точно так же могут стать алкоголиками и кровные дети. Нужно немножко отделить от себя эту ответственность.

— А существует ли стереотип, что приёмный ребенок должен чему-то соответствовать? Что он должен быть благодарным, красивым, умным, старательно заниматься, раз ему предоставили такую возможность? Этаким образ благодарного сиротки.

— Хороший стереотип. На мой взгляд, все, что мы делаем в этой жизни, мы делаем для себя, даже если нам кажется, что делаем для других. Для нас очень важно видеть, чувствовать, что мы получаем от своих поступков какое-то удовольствие.

Бывают достаточно длительные периоды, когда кажется, что никакого удовольствия в процессе принятия ребенка нет. То есть вот он уже дома, он изо дня в день тут ходит, плохо пахнет, отвратительно себя ведет. И мысли: «А где ребенок, который будет мне благодарен?» — вполне могут появляться.

С другой стороны, именно в этом случае родителям можно сказать: ваше понимание того, что вы сделали для этого ребенка, гораздо важнее его собственных чувств. Кроме того, история — длительный процесс. Если он не сказал вам «спасибо» в пятнадцать лет, то вполне возможно, поймет это гораздо позже. Хотя не факт, что это вообще когда-либо произойдет.

Мне кажется, родителям просто нужно быть готовыми к тому, что слов благодарности они не услышат никогда. Это сложно, но если это принять, то любая благодарность воспринимается как неожиданность: «Ой, надо же!»

— **Бывает такое, что из «системы» выходят дети без особых проблем?**

— Бывает, но я не знаю, как это просчитать. Наверное, это какая-то удача.

Свою младшую я нашла в ее два с половиной года. По терминологии Л. В. Петрановской, она относилась к такому типу нарушению привязанности, как «заморыш», то есть ребенок, внешне не очень симпатичный с отставанием в развитии, где-то не очень привлекательный для усыновителей. У нее было несколько отказов потенциальных усыновителей, и при этом она отказная с рождения.

Для кого-то это большой плюс, но для формирования привязанности это потенциально

большой минус. Тем не менее, на мой взгляд, это оказался абсолютно подарочный ребенок. Не то, чтобы с ней совсем не было проблем, — их много. Но при этом есть ощущение, что тебе с этим ребенком повезло. Нет ощущения, что все ужасно и плохо, и все проблемы сразу передвигаются на уровень: нужно что-то делать.

— Название «подарочный ребенок» часто встречается на усыновительских сайтах и форумах. Что это вообще такое?

— У меня есть достаточно примеров, когда родители говорят: «Палец не сосет, не качается, не лезет к другим, не проявляет каких-либо отклонений». Мы часто в своем кругу говорим, что через несколько лет жизни в семье у нас дети становятся лучше, чем если бы мы сами их рожали. И мы видим, какими замечательными становятся эти дети, иногда сразу, иногда чуть позже. Поэтому, наверное, и существует большая, все возрастающая категория приемных семей.